

УДК

В.Л. Будников

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ ПЫТАЕТСЯ ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Следственный комитет Российской Федерации стремится вернуть в уголовно-процессуальный закон объективную истину, под которой понимается обязанность следователя полно, всесторонне и объективно расследовать преступление. При этом суд должен будет «помогать» следователю обеспечивать подобное качество предварительного следствия.

15 марта 2012 г. председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин на страницах «Российской газеты» заявил о необходимости возвращения в уголовный процесс принципа объективной истины. По его словам, это «позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию» [1]. На первый взгляд, такое предложение не влечёт за собой ничего предосудительного для российского уголовного судопроизводства. Однако после того, как ознакомишься с его детализацией, становится понятно, что за благими пожеланиями ясно просматривается стремление вернуть следователю положение абсолютного и всевластного хозяина в досудебном уголовном производстве.

Современное предварительное следствие как часть досудебного уголовного производства существенно отличается от своего предтечи – советской процессуальной формы досудебного исследования обстоятельств уголовно-правового события. Главное отличие состоит в том, что из системы процессуальных полномочий следователя изъята обязанность полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств по уголовному делу. Единственной его процессуальной функцией стало осуществление уголовного преследования в рамках соответствующей процессуальной формы, определяемой особенностями досудебного производства: в стадии возбуждения уголовного дела следователь обладает одними процессуальными полномочиями, в стадии предварительного расследования – другими.

Законодатель не стал прикрывать современного следователя «фиговым листком» полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования, поскольку отнёс его к стороне обвинения в уголовном судопроизводстве (п. 47 ст. 5 УПК). В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК следователь обязан в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать законные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. При осуществлении уголовного преследования следователь не вправе отвлекаться на выполнение дополнительных, не свойственных ему действий, которые направлены на обеспечение защиты подозреваемого, обвиняемого, поскольку процессуальная функция защиты возложена на сторону защиты. Подобное функциональное разделение прямо предусмотрено ч. 2 ст. 15 УПК, в соответствии с которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Трудно понять, каким образом следователь, осуществляя уголовное преследование подозреваемого и обвиняемого, т.е. обвинительную деятельность, сможет добиваться установления так называемой объективной истины, если станет пытаться устанавливать обстоятельства, противоречащие изначально сформулированному им же обвинительному тезису.

Мне могут возразить, что подобная схема действовала в советское время, когда не было состязательности и равноправия сторон, и так называемая объективная истина устанавливалась по большинству уголовных дел. Тот, кто знаком с прошлой действительностью, знает, что, несмотря на требование устанавливать все обстоятельства полно, всесторонне и объективно, следователи работали на заранее запрограммированный результат, а адвокатам оставалось лишь писать жалобы и ходатайства, то есть выступать в роли просителей перед следователем и прокурором, но никак не в качестве равноправных со следователем участников процесса.

Насколько можно понять из упомянутого интервью, А.И. Бастрыкин предлагает вернуться, по сути, к советской модели установления обстоятельств преступления, в рамках которой не было места состязательности и равноправию сторон, следователь являлся абсолютным и полновластным «хозяином» досудебного производства, а суд активно восполнял допущенные им промахи и исправлял ошибки и недочёты. Другое толкование невозможно предложить следующим выражениям председателя СК РФ: «Не способствует установлению истины и реализованная в законе модель состязательности. Она тяготеет к чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине», «Закрепленное в ст. 14 УПК РФ понятие презумпции невиновности предполагает толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. Оно может быть применено (в случае принятия данного законопроекта в редакции СК РФ. – В.Б.) лишь в том случае, если невозможно достичь по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию», для устранения неполноты предварительного расследования предлагается наделить суд «обязанностью по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе суда, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты» [1].

Упразднение равенства прав сторон в состязательном уголовном процессе, нивелирование до ничтожности презумпции невиновности и обязывание суда восполнять неполноту предварительного следствия – вот далеко не полный перечень тех нововведений, которые предлагаются А.И. Бастрыкиным. Сразу хочется спросить: если эти предложения будут приняты, то каким образом суд сумеет сохранить свою объективность и беспристрастность при инициативном восполнении неполноты предварительного следствия, если это следствие осуществляется исключительно стороной обвинения в лице следователя? Очевидно, в случае упразднения из российского уголовного процесса пресловутых англо-американских принципов необходимо будет вменить в обязанность суда и задачу борьбы с преступностью, то есть вернуть в современный уголовно-процессуальный закон положения ст. 3 УПК РСФСР, обязывавшие суд принимать все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, виновных в его совершении лиц, и к их наказанию.

Особым изыском, на мой взгляд, отличаются два предложения, сформулированные А.И. Бастрыкиным в развитие предлагаемой им обязанности суда восполнять неполноту предварительного следствия. «Дополнительно вводятся (в проекте нового закона. – В.Б.) два новых основания возвращения уголовного дела:

- 1) неполнота доказательств, которая не может быть восполнена в судебном заседании, в том числе если она возникла в результате признания доказательства недопустимым и исключения из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве;
- 2) необходимость предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным. Либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно

отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» [1].

Неполнота доказательств может стать новым термином в доказательственном праве в случае принятия рассматриваемого законопроекта. Если же неполнота – синоним совокупности доказательств (ст. 88 УПК), то вряд ли целесообразно вводить его в нормативный оборот, поскольку существующий термин вполне понятен и, кроме того, в полной мере раскрывает сущность объясняемого им свойства группы однородных доказательств. Если иметь в виду, что неполнота касается только обвинительных доказательств – скорее всего, это именно так, – то суд будет обязан не только становиться на сторону обвинения, помогая ей в изобличении конкретного обвиняемого, но и сам превратится в государственного обвинителя на субсидиарных началах с прокурором. По моему убеждению, именно такое «новаторское» намерение просматривается и из ситуации с выявляемой судом необходимостью предъявления новых обвинений.

Трудно признать приведённые в интервью А.И. Бастрыкина устремления теми новациями, которые устремлены к достижению действительно объективной истины. При таком построении уголовного процесса её характер будет максимально отражать нацеленность на изобличение и наказание лица, которому предъявлено обвинение. Убеждён, что в изложении интервьюируемого председателя СК РФ подобная «истина» представляет собой ни что иное, как хитроумно завуалированный фасад контрпродуктивных предложений, направленных на дезавуирование и так совсем малых ростков демократизма в этой сфере государственной деятельности.

Применительно к современному досудебному уголовному производству в юридической литературе нередко высказывались опасения по поводу возможной односторонности следователей при таком построении предварительного следствия, когда в их обязанность вменено собирание лишь обвинительных доказательств. С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев называют упразднение нормативного положения о полноте, объективности и всесторонности предварительного следствия грубейшим искажением основных принципов, закреплённых в Конституции РФ [2].

На мой взгляд, подобные опасения совершенно напрасны, поскольку в данном случае отсутствуют даже малейшие противоречия между уголовно-процессуальными принципами и какими-либо конституционными положениями. Напротив, принципы состязательности и равноправия сторон, презумпции невиновности, неприкосновенности личности, уважения её чести и достоинства, законности и др. (ст. 7–19 УПК) в полной мере соответствуют аналогичным конституционным основным правовым положениям (ст. 123, 49, 21, 18 и др.). Кроме того, нельзя синонимизировать односторонность предварительного следствия с его необъективностью.

Осуществляя предварительное следствие по уголовному делу, следователь ориентирован на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК). Требование объективности при этом состоит в том, что следователь должен однозначно определить, доказано то или иное обстоятельство по уголовному делу либо не доказано. Если в результате своей доказательственной деятельности он придёт к убеждению о том, что, скажем, событие преступления имеет место, а виновность обвиняемого также не вызывает сомнений и подтверждается достаточной совокупностью проверенных доказательств, то о какой несправедливой односторонности расследования можно вести речь? Такая односторонность есть результат правильной процессуальной деятельности следователя, представляющего в досудебном производстве сторону обвинения.

Следователь может в результате расследования установить отсутствие указанных в ст. 73 УПК обстоятельств и отказаться от уголовного преследования человека, виновность которого он не доказал. В этом случае следователь также действует в рамках выполняемой им функции уголовного преследования, однако это не означает, что он выполняет функцию защиты. Просто в итоге своей доказательственной деятельности по уголовному делу следователь приходит к выводу о необходимости прекращения обвинительной функции. Подобная односторонность, видимо, не будет оспариваться сторонниками всесторонности предварительного следствия, поскольку она также является следствием осуществления функции уголовного преследования.

Любой результат доказательственной деятельности следователя, полученный им в рамках уголовного преследования, должен признаваться правомерным и допустимым, поскольку достигается вследствие должного, то есть объективного отношения к исполнению предоставленных процессуальных правомочий. При соблюдении подобного условия уголовное преследование, осуществляемое в форме предварительного следствия, имеет вполне объективный характер.

Объективность предварительного следствия не исключает, а, напротив, предполагает наличие при этом так называемого обвинительного уклона, к которому необходимо в современном понимании состязательного уголовного судопроизводства и его досудебной части относиться не как к субъективному усмотрению следователя, не основанному на действительной совокупности собранных доказательств, а его стремлению произвести предварительное следствие в строгом соответствии с законом и в рамках функции уголовного преследования. Представляется, что в такой интерпретации обвинительный уклон есть следствие объективности осуществляемого следователем предварительного следствия.

Никто не сомневается в целесообразности существования односторонней линии защиты, осуществляемой всегда с оправдательным (защитительным) уклоном. Предназначение защиты как раз и состоит в том, чтобы правомерно противодействовать обвинительной деятельности следователя, добиваясь реабилитации либо смягчения процессуального положения подозреваемого, обвиняемого. В таком случае и по отношению к обвинительной деятельности следователя термин «уклон» необходимо применять как естественное стремление обвинителя добиться определённого правового результата в строгом соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом.

В условиях состязательного уголовного производства нельзя отказывать государству в наделении следователя правом осуществления только обвинительной деятельности, поскольку она является (или, во всяком случае, должна являться) результатом должного реагирования на факт нарушения определённым лицом охраняемых уголовным законом общественных отношений. Следует вполне согласиться с И.С. Дикаревым, что «и прокурорский надзор, и уголовное преследование направлены на защиту публичного интереса, который в данном случае следует толковать не узко, в смысле интересов государства, государственной власти или лиц, ею наделённых, но прежде всего как воплощение интересов общества, всех граждан, живущих в государстве» [3].

При таком построении предварительного следствия, когда следователь и защитник выполняют только те процессуальные функции, которые прямо предписаны им законом, необходимо добиваться подлинного их равноправия в установлении обстоятельств уголовно-правового события, опять же – исключительно в рамках их непосредственных функций. Это позволит придать предварительному следствию корпоративный характер, что означает совместное стремление сторон к единой цели уголовного

судопроизводства посредством решения соответствующих задач, обусловленных для следователя функцией обвинения, а для защитника – функцией защиты.

Суд при этом должен оценивать собранные сторонами доказательства, при необходимости в рамках проверки собирать новые доказательства, но ни в коем случае на него нельзя возлагать несвойственную ему функцию обвинения. Суды и так до сих пор не освободились от своего советского прошлого, не изжили обвинительный уклон в своей деятельности, а, по мнению А.И. Бастрыкина, их вновь нужно направить на службу предварительного следствия. В этом случае защитник из самостоятельного и самодостаточного субъекта доказывания вновь возвратит себе положение просителя, поскольку сможет только ходатайствовать перед следователем о выполнении каких-либо действий либо обжаловать его действия. Активная доказательственная деятельность защитника в таком случае останется в прошлом. Слова руководителя Следственного комитета РФ о возможном расширении процессуальных возможностей других участников уголовного судопроизводства, в том числе защитника, «за счет наделения их правом заявлять ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий для полноты и объективности предварительного расследования или суда», нужно, на мой взгляд, воспринимать как неловкую попытку прикрыть истинную сущность предложения о возвращении в уголовный процесс так называемой объективной истины [1]. Суть этого предложения – окончательное закрепление государственной монополии на установление обстоятельств уголовно-правового события, устранение защитника из числа самостоятельных субъектов доказывания и превращение суда в орган борьбы с преступностью, а на пути к этому – устранение «вредных» англо-американских принципов, судов присяжных и прочих «не наших» атрибутов уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова, Н. Суть суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины / Н. Козлова // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2012. – 16 мар.
2. Ефимичев, С.П. УПК Российской Федерации нуждается в уточнении / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 67.
3. Дикарев, И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 30.

Budnikov V.L. Investigating Committee of Russia Tries to Define the Role of a Court in Criminal Procedure

The investigatory committee of the Russian Federation aspires to return in the criminal and procedural law an objective truth which is understood as a duty of the inspector fully, comprehensively and objectively to investigate a crime. Thus the court should «help» to the inspector to provide similar quality of preliminary investigation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.08.2012